

О ЗВУКОСМЫСЛОВЫХ ПЕРЕКЛИЧКАХ И МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В «ВЫСТРЕЛЕ»

Олег Борисович Заславский

доктор физ.-мат. наук, ведущий научный сотрудник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Харьков, Украина)
e-mail: zaslav@ukr.net

Аннотация. Показано, что в тексте повести А.С. Пушкина «Выстрел» присутствуют межъязыковые каламбуры с интерференцией между русским и французским языками. Они касаются слов, связанных со стрельбой и ее результатами (*tirer* – стрелять, *trou* – дыра). Межъязыковые каламбуры являются одним из способов воплощения лейтмотива стрельбы в самой структуре текста. Интерференция затрагивает не только два разных естественных языка, но и язык образов, что представляет собой пример более общего семиотического явления. Обсуждается место таких явлений в поэтике литературы и живописи. Кроме того, мы выявляем наличие скрытых каламбурных построений в тексте на русском языке, в том числе имеющих смысловые связи с изобразительными элементами.

Ключевые слова: межъязыковые каламбуры, анаграммы в прозе, Пушкин, «Выстрел».

Скрытые элементы в поэтике Пушкина

Отличительной особенностью поэтики Пушкина является внимание к скрытым элементам, т.е. таким, которые в тексте не даны непосредственно. На первый взгляд кажется, что, если рассматривать такие вещи, произвол становится неограниченным. Однако в качестве возражения общего характера укажем, что на самом деле принципиальных отличий от стандартной для литературоведения ситуации здесь нет. Потенциальная опасность произвола неизбежна в самых разных исследованиях текста, но взгляд на текст как систему позволяет избежать надуманных интерпретаций. В пользу значимости скрытых элементов в поэтике Пушкина свидетельствуют, однако, не рассуждения общего характера, а довольно заметное число конкретных результатов. Уже сам факт того, что разные исследователи независимо друг от друга обнаруживают такие элементы на самых разных уровнях текста, заставляет всерьез отнестись к исследованиям этого рода.

Характерным и весьма нетривиальным примером оказался скрытый сюжет. Он был найден в целом ряде прозаических и драматических произведений Пушкина. В частности, обращаем внимание на очень тщательное (с учетом особенностей языка пушкинского времени) исследование А.Б. Пеньковского,

обнаружившего скрытый сюжет в «Евгении Онегине» [Пеньковский].

Скрытые элементы возможны и на уровне отдельных слов. Можно говорить о словах пропущенных, но восстанавливаемых по контексту, а также о словах, прямо не названных, но каламбурным образом составляющихся при помощи других языков. Межъязыковая интерференция хорошо известна, например, в поэтике Мандельштама. Ее наличие было подчеркнуто Г.А. Левинтоном [Левинтон 1979], что затем породило целую серию работ на эту тему. Еще одной областью, где наличие неявных элементов текста принципиально, является, например, поэтика Набокова. Укажем на «типичный для Набокова прием сокрытия особо значимого слова, которое легко восстанавливается из ближайшего контекста» [Долинин: 218]. В качестве яркого примера можно указать, что «Набоков воспользовался именно этим приемом, воскрешая в “Даре” облик “Пушкина, пощаженого пулею рокового хлыща” (то есть фатального фата)» [Ронен 2005]¹. Сочетание «фатального фата» в тексте отсутствует, однако восстанавливается весьма убедительным образом. Целый ряд примеров рассматриваемого рода из поэтики Мандельштама (со ссылками на предшествующие наблюдения А. Ханзен-Лёве и Б.А. Успенского), Набокова и Ахматовой приведен в работе

¹ См. также обсуждение этого примера в работе: [Левинтон 2007].

Ф. Двинятина (2007) в разделе с характерным названием «Поэтика отсутствующих звуко-смысловых посредников» [Двинятин].

К сожалению, применительно к Пушкину значимость подобных явлений все еще остается недооцененной исследователями. Тем не менее и здесь уже существует ряд конкретных наблюдений. В работе М. Ланглебена (1991) исследована динамика сознательного сокрытия / раскрытия «запретных» ключевых слов в «Истории Пугачева» [Ланглебен]. Ранее нами указывалось, что в «Повести из римской жизни» сочетание статуи сатира и слова «конь» порождает ключевое слово «Сатирикон» – название романа Петрония, в тексте прямо не приведенное [Заславский 1993: 413]. К этому примыкает другое (в ряде случаев близкое) явление – анаграммирование в прозе. Можно указать на пионерскую работу С. Давыдова, где выявлено и подробно исследовано наличие таких построений в прозе Пушкина, в том числе «Повестях Белкина» [Davudov 1983]¹.

Что касается именно «Выстрела», то здесь к настоящему моменту также имеется целый ряд наблюдений (хотя и разрозненных), связанных с анаграммами и не эксплицированными (но значимыми) словами. Обширный материал такого рода представлен в другой

работе С. Давыдова, где показано, как ключевые слова «Выстрел» и «Сильвио» прошивают весь текст [Davudov 1989]. В одной из предыдущих наших работ было выявлено наличие двуязычного каламбура, «шутить» – *shoot* (стрелять)², связанного с английским языком в подтексте [Заславский 1997а: 124].

Указанный нами двуязычный каламбур в «Выстреле» является не единичным фактором, а одним из проявлений более общей закономерности. В данной работе мы показываем, что скрытые элементы повести, связанные с наличием таких каламбуров (построенных на основе французского языка), структурно дублируют основные мотивы, связанные со стрельбой. Мы также показываем наличие некоторых каламбурных сочетаний (ранее, по-видимому, в литературе не замеченных), представленных в одном лишь русском языке. Кроме того, каламбурные сочетания затрагивают различные языки не в прямом, а в обще-семиотическом смысле, включая игру между словом и образом.

Первый абзац

Обратимся к «Выстрелу».

В работе О. Ронена [Ронен 2004], развивающей наблюдения Б. Эйхенбаума [Эйхенба-

¹ См. также русский вариант этой работы: [Давыдов].

² В современном английском языке у этого глагола есть еще одно значение – ‘снимать’. В качестве не названного слова это дает объяснение связи между фотографированием и убийством в ряде произведений Набокова [Левинтон 2010: 268–269]. Любопытно, что такое же сочетание проявляет себя и в знаменитом фильме М. Антониони “Blow up”.

ум: 168–169], выявлены некоторые элементы «Выстрела», свойственные скорее стихотворному тексту, в том числе звуковые связи. Рассматриваемые О. Роненом элементы сконцентрированы в первом абзаце повести. В примечании 5 Ронен вспоминает:

«Во время обсуждения моего доклада на Тыняновских чтениях в 1998 году Р.Д. Тименчик остроумно заметил, что при устном чтении “три звездочки” возникнет звуковая связь с концовками “известна”, “трактире” и т.д.» [Ронен 2004].

По нашему мнению, эта связь становится еще более интересной и важной, если учесть, что «тире» (часть слова «трактире») перекликается не только с лексемой «три», но и с французским “tírer” – ‘стрелять’. Связь французского языка в таком контексте со стрельбой удостоверяется далее в тексте непосредственно:

«Сильвио встал и вынул из картона красную шапку с золотой кистью, с галуном (то, что французы называют bonnet de police); он ее надел; она была прострелена на вершок ото лба»¹ (68).

Соответственно, звукосмысловой комплекс, связанный с глаголом *tírer*, проявляет себя и в некоторых других важных местах.

Так, двойная дыра от пуль была в *картине*. Ранее Давыдов [Davydov 1989: 66–67] отметил анаграмматические построения КАРТа – КАРТИНа – КАРТуз. Нетривиальный момент состоит в том, что слово, в тексте явным образом не названное («картуз»), тем не менее участвует в звуковых переключках. Теперь становится ясно, что «картина» входит в еще один ряд звукосмысловых соответствий, который связан с мотивом стрельбы. В данном случае это приводит к межъязыковым каламбурам. Воплощение здесь мотива стрельбы на лексическом уровне проявляет себя и в том, что в соответствующем описании «картина была прострелена двумя пулями, всаженными одна на другую» (72) слова «картина» и «прострелена» связаны тем же звукосмысловым комплексом и стоят рядом, их разделяет всего лишь одно слово. (В дополнение к сказанному выше укажем, что в тексте присутствует также и другое соответствие между КАРТ и ТРАКТиРе – как два разных варианта проведения времени офицерами.)

Теперь можно посмотреть по-новому на приведенные выше наблюдения Р.Д. Тименчика. А именно, получается, что с темой стрельбы в первом абзаце связаны не только слово «трактире», но и сочетание «три звездочки». Но звездочки соответствуют

¹Здесь и далее все цитаты из повести «Выстрел» приводятся по изданию [Пушкин 1944] с указанием страниц в круглых скобках.

дыркам от пуль, причем вдвойне – и зрительно, и в качестве столь важного для произведения мотива пустоты, отсутствия [Заславский 2016]. Более того, звездочки вместо названия местечка выглядят, с учетом этого обстоятельства, как если бы выстрел уничтожил само это название. А уничтожение имени понижает статус объекта и превращает место пребывания военных и Сильвио в «местечко», лишенное полноценной жизни. Само же слово «три», благодаря переключке с *tirer*, приобретает семантику стрельбы. Кроме того, французское наименование знака звездочки *asterisque* содержит то же сочетание, указывающее на стрельбу.

В результате возникает единый звукосмысловой комплекс, связанный со стрельбой и объединяющий в себе как слова, так и образы, и даже число. Он проявляет себя в еще одном аспекте. Слово «дыра» по-французски – *trou*, что переключается с *tirer* и *три*. Получается, что мотив отсутствия, упомянутый выше, реализуется двояко – и через дыры от пуль, и через название этих дыр по-французски.

В таком контексте становится значимым, что ключевое слово «выстрел», поставленное в заглавие, содержит тот же комплекс «тр» (разумеется, без этого контекста такая семантизация бы отсутствовала). А поскольку этот комплекс попадает в заглавие, то тем самым реализуется связь между мотивами головы и стрельбы.

Существенно, что в этом же первом абзаце содержится, по наблюдению Ронена, «полная анаграмма фамилии автора: пунш и к...» [Ронен 2004]. Упоминание фамилии «Пушкин», указывая на орудие стрельбы, реализует тему выстрела [Заславский 2016]. Надо полагать, анаграммирование автором своей фамилии носит метатекстовый характер – это указание на ключ, который следует применить к прочтению текста. И состоит он в том, что неявные элементы текста, построенные на основе анаграмм и каламбуров, указывают на мотив выстрела. Причем, поскольку фамилия русского автора в основном «спрятана» в иноязычном слове «пунш», это также иконическим образом подчеркивает значимость межъязыковой интерференции в таких явлениях.

Свойства текста, о которых идет речь в нашей статье (а также в предшествующих наблюдениях О. Ронена и Р.Д. Тименчика), сосредоточены в основном в первом абзаце. Это, повышая концентрацию скрытых элементов, косвенно свидетельствует об их неслучайном характере и превращает данный абзац в своего рода отдельный текст в тексте. А то, что такая повышенная структурность, типичная, скорее, для стихотворного текста, чем прозаического, выделяет именно первый абзац, в очередной раз актуализует мотив головы, заглавия.

В этом абзаце присутствуют и другие элементы, типичные для стихотворного текста

(но не отмеченные О. Роненом и Р.Д. Тименчиком). В первой же фразе текста присутствует звукопись: «Мы *стояли* в *местечке* ***». Далее это перекликается с «известна» и «невесты». Сочетание «местечка» и отсутствующего имени, замененного тремя звездочками, приводит к слову «местоимение». А поскольку первое слово первого абзаца как раз является местоимением, то возникает иконизм. Причем в данном контексте он дает реализацию сочетания «место без имени». В этом же контексте дополнительный смысл приобретает анаграмма имени автора, отмеченная О. Роненом [Ронен 2004]. С одной стороны, имя заштатного городка, где ничего не происходит, стирается, с другой – имя автора, наоборот, приобретает повышенную активность, выделяясь из нейтрального текста, который, казалось бы, имен не содержит. Такой контраст представляет собой еще одно проявление сочетания мотивов имени и отсутствия.

Русскоязычные каламбуры

Помимо двуязычных каламбуров, в произведении содержится ряд других звукословесных переключений, в том числе на основе одного лишь русского языка. Интересно, однако, что даже в этом случае присутствие второго языка может проявлять себя косвенным образом. Рассмотрим конкретные примеры.

Сильвио на балу у польского помещика сказал графу на ухо «какую-то *плоскую* гру-

бость». Вслед за этим последовала пощечина, и враги «бросились к саблям». Сабля – это оружие с *плоским* клинком (а то, что клинок – острый, отсылает к теме острого слова [Заславский 1997а: 125]).

Упоминается «хозяйка», бывшая с Сильвио «в связи». Здесь содержится двусмысленность, так как *maitresse* во французском языке может пониматься и как собственно ‘хозяйка’, и как ‘любовница’. В ответ на оскорбление графа Сильвио получает по *щеке*, причем это происходит на балу у помещика.

Все эти каламбурные двусмысленности сконцентрированы в четырех подряд предложениях, причем в том же абзаце, где Сильвио говорит об эпиграммах. Он сетует, что эпиграммы графа казались ему «неожиданнее и острее» его собственных. Однако теперь такой концентрацией скрытых нетривиальных переключений Сильвио как бы берет реванш, демонстрируя виртуозное обращение со словом.

В самом конце сказано, что, как говорят, Сильвио «предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами». В сочетании со сделанными выше наблюдениями по поводу щек, можно видеть проявление мотива лица и здесь. А именно, каламбурным образом *Скуляны* указывают на *скулы*. (Хотя название места – историческая данность, значимым является сам факт, какое именно сражение здесь выбрал Пушкин.) В обоих случаях с лицом связаны боль,

опасность или гибель: удар по щеке и последующая дуэль в одном случае, гибель в сражении в другом.

В данном случае мотив лица (а тем самым и головы) становится значим и композиционно. Информация о том, что Сильвио предводительствовал отрядом, т.е. его возглавлял, дана в завершающей фразе повести, что создает контраст между свойствами «быть первым» и «быть последним, завершать». Но лицо (на часть которого каламбурно указывает название места битвы) как раз связано с головой, т.е. главной, «лидирующей» частью тела.

В разобранных примерах, так или иначе, другая (иноязычная) культура проявляет себя косвенно. Это касается польского языка (прямо не присутствует, но связан с местом действия), французского (означающее отсутствует, но к нему отсылает русское слово) и молдавского (географическое название).

О значимости французского языка

Теперь следует остановиться на вопросе, почему же в заметной части рассмотренных выше скрытых каламбуров значим французский язык.

Обычно такие явления нагружены своей семантикой, которая делает использование того или иного иностранного языка не формальным приемом, а содержательным. На-

пример, присутствие английского в упомянутом выше сочетании «шутить – shoot» обосновывается англomanией графа [Заславский 1997а: 124]. Что же касается роли французского, то, по нашему мнению, главная причина заключается в следующем. Сильвио, страдаемый своей маниакальной страстью, ради своего *выстрела* пропустил даже Отечественную войну с французами (это вполне однозначным образом восстанавливается из текста¹), что для офицера, конечно, играло принципиальную роль. Соответственно, французский язык оказывается связан с мотивом отсутствия, пропущенной жизни и стрельбы. В несостоявшейся истории военного переплетены все три мотива. А то обстоятельство, что о неучастии Сильвио в этой войне прямо не сказано, и это приходится восстанавливать из контекста, удваивает мотив пустоты и отсутствия.

В целом скрытое двуязычие – это элемент, своим двойным характером противостоящий единственной страсти, подчинившей себе жизнь главного героя.

Заключение

В заключение обсудим вкратце некоторые более общие вопросы поэтики, на которые нас вывело данное исследование «Выстрела».

Мы видели, что в этом произведении

¹ См. соответствующие комментарии: [Пушкин: 409].

присутствует целый ряд звуко-смысловых каламбуров, связанных с межъязыковой интерференцией. Но при этом они по большей части отличаются от типичной для таких каламбуров ситуации, когда внутри русского слова скрывается омонимичное ему слово чужого языка или наоборот [Левинтон 2010]. В одном случае (*maitresse* как 'хозяйка' и 'любовница') неназванное иноязычное слово является посредником между двумя русскими, что может считаться вариантом явления, рассмотренного в 3-м разделе («Русскоязычные каламбуры») данной работы [Двинятин]. Однако в остальных случаях они имеют другую природу, поскольку в соответствующих ситуациях нельзя выделить пару определенных слов, во взаимодействии с которыми возникает неназванное третье. Не названное явно ключевое слово в ряде случаев возникает как иноязычная анаграмма, которая складывается из окружающего русского текста или же названий графических элементов (как на русском, так и французском). При этом соответствующее слово связано с основным для всего текста мотивом стрельбы.

Еще одной важной особенностью является то, что интерференция затрагивает разные языки не только в буквальном, но и в общесемиотическом смысле, так как взаимодействуют слово и образ. При этом становится значимой звуковая оболочка слова, которое этот образ обозначает. В том числе

такая интерференция между словом и образом возникает и тогда, когда каламбурные соответствия присутствуют лишь в русском языке (как со словом «плоская»).

Можно думать, что данный пушкинский шедевр окажется, помимо прочего, незамеченным полигоном для попыток построения общей классификации скрытых элементов в художественном тексте, в том числе для определения сходств и различий между такими явлениями, как анаграммы и язык как подтекст. Он также демонстрирует новые аспекты «прозы как поэзии» [Шмид].

Сказанное может служить и мотивацией для дальнейших исследований общесемиотического характера. По сути, в «Выстреле» мы сталкиваемся с явлением, далеко выходящим за рамки поэтики прозы Пушкина и даже одной лишь литературы. Вовлеченность сюда образов делает такое явление актуальным и в живописи. И действительно, его аналог обнаружен ранее, например, в живописи Сальвадора Дали [Заславский 1997б]. Для дальнейшего исследования этих явлений поэтики требуется применение методов анализа, характерных для филологии, к текстам изобразительной природы.

Можно надеяться, что изучение «Выстрела» (в котором богатый материал дает даже один лишь первый абзац!) будет способствовать продвижению в малоизученных аспектах художественной литературы и даже появлению новых направлений в поэтике.

Литература

Давыдов, С. Звук и тема в прозе Пушкина // Пушкин и поэтический язык XX века. М.: Наука, 1999.

Двинягин, Ф. Из заметок по поэтике Ахматовой // На меже меж голосом и эхом. Сборник в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М.: Новое издательство, 2007.

Долинин, А. Истинная жизнь писателя Сирина. СПб.: Академический проект, 2004

Заславский, О.Б. Двойная структура «Выстрела» // Новое литературное обозрение. 1997а. № 23. С. 122–131

Заславский, О.Б. О пушкинском «Выстреле»: отсутствие как элемент структуры // Toronto Slavic Quarterly. 2016. № 58.

Заславский, О.Б. Структурный дуализм «Повести из римской жизни» А.С. Пушкина // Russian Literature, XXXIV-III (1993). С. 411–423.

Заславский, О.Б. Язык как подтекст в живописи Сальвадора Дали // Arbor Mundi. 1997b. Вып. 5. С. 165–181.

Ланглебен, М. Наказание мятежной природы: четыре фрагмента из «Истории Пугачева» А. С. Пушкина // Russian Literature, XXIX (1991). С. 177–204.

Левинтон, Г.А. Еще много-много раз о многоязычных каламбурах // Con amore: Историко-филологический сборник в честь Любови Николаевны Киселевой. М.: ОГИ, 2010.

Левинтон, Г.А. О параномазии. Заметки о параномазии. I: параномазии и подтексты

у Набокова // На меже меж Голосом и Эхом. Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М.: Новое издательство, 2007.

Левинтон, Г.А. Поэтический билингвизм и межъязыковые явления // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 30–33.

Пеньковский, А.Б. Нина. (Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении.) М.: Индрик, 2003.

Пушкин, А.С. Собр. соч. В 5 тт. Т. 4. СПб.: Библиополис, 1994.

Ронен, О. «М/Ж». Об оглавлении «Капитанской дочки» [Электронный ресурс] // Звезда. 2004. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2004/7/ronen17.html> (дата обращения: 15.06.2017).

Ронен, О. Каламбуры [Электронный ресурс] // Звезда. 2005. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2005/1/ro16.html> (дата обращения: 15.06.2017).

Шмид, В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении. «Повести Белкина». СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.

Эйхенбаум, Б.М. Сквозь литературу. Ленинград: Academia, 1924.

Davydov, S. (1983). The sound and theme in the prose of A.S. Puškin. A logo-semantic study of para-nomasia. *Slavic and East European Journal*, 27(1), 1–18.

Davydov, S. (1989). “The Shot” by Aleksandr Pushkin and its Trajectories. In J.D. Clayton (Ed.), *Issues in Russian literature before 1917: Se-*

lected Papers of the Third World Congress for Soviet and East European Studies. Columbus, Ohio: Slavica Publishers.

References

- Davydov, S. (1983). The sound and theme in the prose of A.S. Puškin. A logo-semantic study of para-nomasia. *Slavic and East European Journal*, 27(1), 1–18.
- Davydov, S. (1989). “The Shot” by Aleksandr Pushkin and its Trajectories. In J.D. Clayton (Ed.), *Issues in Russian literature before 1917: Selected Papers of the Third World Congress for Soviet and East European Studies*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers.
- Davydov, S. (1999). Zvuk i tema v proze Pushkina [The sound and theme in the prose of . A.S. Puškin]. In *Pushkin i poetičeskij jazyk XX veka* [Pushkin and poetic language of XX century.]. Moscow: Nauka.
- Dvinjatin, F. (2007). Iz zametok po pojetike Ahmatovoj [From the notes on the poetics of Ahmatova]. In *Na mezhe mezh Golosom i Ekhom. Sbornik v chest' Tat'jany Vladimirovny Civ'jan* [On the border between Voice and Echo. Collection in honour of Tatyana Vladimirovna Civ'jan]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Dolinin, A. (2004). *Istinnaja zhizn' pisatelja Sirina* [The real life of the writer Sirin]. St. Petersburg: Akademicheskij proekt.
- Eykhenbaum, B.M. (1924). *Skvoz' literaturu* [Through the Literature]. Leningrad: Academia.
- Langleben, M. (1991). Nakazanie myatezhnoy prirody: chetyre fragmenta iz «Istorii Pugacheva» A.S. Pushkina [Punishment of rebellious nature: four fragments from “Pugachev history” by A.S.Pushkin]. *Russian Literature*, XXIX, 177–204.
- Levinton, G.A. (1979). Poeticheskiy bilingvizm i mezhyazykovye yavleniya [Poetic Bilingualism and Inter-language Phenomena]. *Vtorichnye modeliruyushchie sistemy* [Secondary Modeling Systems]. Tartu, 30–33.
- Levinton, G.A. (2007). O paronomazii. Zametki o paronomazii. I: paronomazii i podteksty u Nabokova [On paronomasia. Notes on paronomasia. I: paronomasia and subtexts in Nabokov's works.]. In *Na mezhe mezh Golosom i Ekhom. Sbornik statey v chest' Tat'jany Vladimirovny Tsiv'yan* [On the border between Voice and Echo. Collection in honour of Tatyana Vladimirovna Civ'jan]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Levinton, G.A (2010). Eshche mnogo-mnogo raz o mnogoyazychnykh kalamburakh [Yet many-many times on multilingual puns]. In *Con amore: Istoriko-filologicheskij sbornik v chest' Lyubovi Nikolaevny Kiselevoy* [Con amore: Historical-philological collection of works in honour of Lyubov' Nikolaevna Kiseleva]. Moscow: OGI.
- Pen'kovskiy, A.B. (2003). *Nina. (Kul'turnyy mif zolotogo veka russkoy literatury v lingvisticheskom osveshchenii.)* [Nina. The Cultural Myth of Russian Literature Golden Age in Linguistic Interpretation] Moscow: Indrik.
- Pushkin, A.S. (1994) *Sobraniye sochineniy. V 5 tomakh*. [Collection of works in 5 volumes]

Vol. 4. St. Petersburg: Bibliopolis.

Ronen, O. (2004). "M/Zh". Ob oglavlenii "Kapitanskoy dochki" ["M/Zh". On the contents of "Captain daughter"]. *Zvezda*, №7. Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2004/7/ronen17.html> (date of access: 15.06.2017).

Ronen, O. (2005). Kalambury [Puns]. *Zvezda*, № 1. Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2005/1/ro16.html> (date of access: 15.06.2017).

Schmidt, W. (1996). *Proza Pushkina v poeticheskom prochtenii. "Povesti Belkina"* [Pushkin's Prose in poetic reading. "Povesti Belkina"]. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ.

Zaslavskii, O.B. (1993). Strukturnyy dualizm "Povesti iz rimskoy zhizni" A.S. Pushkina

[Structural dualism of "A Tale of Roman Life" by A.S. Pushkin.]. *Russian Literature*, XXXIV-III, 411–423

Zaslavskii, O.B. (1997a). Dvoynaya struktura "Vystrela" [Twofold structure of "The Shot"]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 23, 122–131.

Zaslavskii, O.B. (1997b). Yazyk kak podtekst v zhivopisi Sal'vadora Dali [Language as an underlying idea in the Salvador Dali painting]. *Arbor Mundi*, 5, 165–181.

Zaslavskii, O.B. (2016). O pushkinskom "Vystrele": otsutstvie kak element struktury [On Pushkin's "The Shot": absence as an element of structure]. *Toronto Slavic Quarterly*, 58.

**ON SOUND AND THEME INTERRELATIONS
AND INTER-LINGUAL INTERFERENCE IN “THE SHOT”**

Oleg B. Zaslavskii (Zaslavsky), Doctor of Physical and Mathematical Sciences, senior scientific researcher; leading researcher, Kharkov National University named after V.N. Karazin, Kharkov, Ukraine; e-mail: zaslav@ukr.net

Abstract. The article shows that a series of interlingual Russian – French puns is present in the text of “The Shot” by A.S. Pushkin. These puns concern words related to shooting and its corresponding results (*tirer – shoot, trou – hole*). This is one of the ways in which the leitmotif of shooting is embodied in the structure of the text. Interference touches upon not only two verbal languages but the language of images as well. This can be viewed as an example of a more general semiotic phenomenon. We discuss briefly the place of such phenomena in the poetics of literature and painting. Also, we reveal the presence of puns in Russian involving their interaction with the language of images.

Key words: interlingual puns, anagrams in prose, Alexander Pushkin, “The Shot”.

